

**ПЕТЕРБУРГСКИЙ МЕЖДУНАРОДНЫЙ ЭКОНОМИЧЕСКИЙ ФОРУМ**

**21—23 июня 2012 г.**

**Российский потенциал в действии**

**ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ПОЛИТИКА СТОЛЫПИНА: ПРИМЕНИМА ЛИ ОНА ДЛЯ  
СЕГОДНЯШНЕЙ РОССИИ?**

**Панельная дискуссия**

**23 июня 2012 г. — 10:00—11:15, Павильон 5, Зал 5.3**

**Санкт-Петербург, Россия**

**2012 г.**

### **Модератор:**

**Павел Пожигайло**, Президент, Фонд изучения наследия П.А. Столыпина

### **Выступающие:**

**Мэри Шэффер Конрой**, Заслуженный профессор русской истории,  
Университет Колорадо

**Сергей Караганов**, Декан факультета мировой экономики и мировой  
политики, Национальный исследовательский университет «Высшая школа  
экономики»

**Ярослав Кузьминов**, Ректор, Национальный исследовательский университет  
«Высшая школа экономики»

**Михаил Леонтьев**, Российский тележурналист, публицист, ведущий  
телепередачи «Однако»

**Владимир Мау**, Ректор, Российская академия народного хозяйства и  
государственной службы при Президенте Российской Федерации

**Валерий Мунтян**, Правительственный уполномоченный Украины по  
вопросам сотрудничества с Российской Федерацией, государствами–  
участницами СНГ, ЕврАзЭС и другими региональными объединениями

**Максим Шевченко**, Журналист, ведущий «Первого канала»

### **Участники дискуссии:**

**Эдуард Прутник**, Глава правления, Международный фонд «Единый мир»;  
Президент, Евразийский союз промышленников и предпринимателей

**Александр Рар**, Директор, Центр им. Бертольда Байтца при Германском  
совете по внешней политике

**Валентин Шелохаев**, Председатель ученого совета, Фонд изучения наследия  
П.А. Столыпина

**Игорь Юргенс**, Председатель правления, Институт современного развития;  
председатель комитета по развитию пенсионных систем и социальному  
страхованию, Российский союз промышленников и предпринимателей (РСПП)

## **П. Пожигайло:**

Доброе утро!

Я рад видеть здесь многих друзей нашего фонда. Спасибо всем за то, что приехали в Петербург.

За последний год мы провели около сорока конференций — в Киеве, Минске, Москве, на Алтае — на которых были многие из присутствующих. В апреле мы отмечали 150-летие Столыпина. В ноябре будет установлен памятник великому реформатору. Наш фонд занимается изучением наследия Столыпина уже 12 лет. Он появился, как мне кажется, очень вовремя, потому что многие проблемы, которые были в стране сто лет назад, стоят перед ней и сейчас.

Поэтому на всех наших конференциях говорилось не только о Столыпине, но и в целом о реформах в России — и, конечно же, о сегодняшнем времени. Эта конференция завершает цикл наших мероприятий. После нее останется только установка памятника.

Хочу сделать небольшое историческое введение. Когда в 1906 году Столыпин стал премьер-министром, это было неожиданное назначение. Оно состоялось, поскольку страна находилась в сложной ситуации. Возможно, в спокойной ситуации Столыпин никогда не стал бы премьер-министром: точно так же, наверное, Рокоссовского не выпустили бы из застенков, если бы немцы не дошли до Москвы. В российской истории такое бывало.

Процитирую воспоминания одного из современников:

«От своих предшественников он получил тяжелое наследие. В 1906 году 82 губернии из 87 находились на особом положении. По стране растекалась революция, к которой примыкал уголовный элемент. Страну постиг разгул терроризма. Повсюду гремели взрывы, поднимались уличные бунты. В результате терактов было убито 18 тысяч человек, в основном, мирных жителей. Да и защищать-то людей становилось некому. Профессия городского становилась смертельно опасной. Средний срок жизни городского — два месяца. Государственная казна страдала от колоссального бюджетного дефицита. В структурах власти — жесточайшая конфронтация, коррупция, падает их авторитет. Дума не обсуждает ни одного из насущных вопросов. В промышленной сфере одна забастовка сменяет другую, останавливаются предприятия и транспорт. На селе полное бесправие крестьян. Общество расколото, царит ощущение безысходности, неверие в будущее,

всеобщее разочарование в собственном государстве, духовный кризис и массовый алкоголизм. И не было ни объединяющей всех фигуры, ни отдельных и мужественных руководителей».

За два месяца до вступления в должность премьера Столыпин писал жене: «Я — министр внутренних дел в стране окровавленной, потрепанной, представляющей из себя шестую часть мира, и это в одну из самых трудных исторических минут, повторяющихся раз в тысячу лет. Человеческих сил тут мало, нужна глубокая вера в Бога, крепкая надежда на то, что он поддержит, вразумит меня».

Тем не менее, он приступил к делу с неслыханной энергией и верой в себя и свою правоту.

В период премьерства Столыпина на него было одиннадцать покушений. Одно из них произошло здесь, в Петербурге, на Аптекарском острове: тогда погибло 34 человека. По указанию Николая II на месте взрыва был установлен памятник.

А через семь лет после всех этих событий Эдмон Тери, ведущий французский экономист того времени, написал книгу «Экономическое преобразование России». По инициативе Фонда она была переведена на русский. Книга эта для нас очень интересна, потому что Тери исследовал ситуацию в России по официальному заказу Министерства экономики и транспорта Франции. В 1913 году была создана комиссия, полгода шла работа в стране, Тери выступал с отчетом во французском парламенте.

Еще одна небольшая цитата:

«В результате работы правительства Столыпина Россия к 1913 году вышла на первое место в мире по темпам экономического роста, на пятое — по объему экономики. Государственный бюджет увеличился на 60%. Обеспечение крестьянина землей и доступные кредиты способствовали бурному росту сельскохозяйственного производства. В полтора раза выросло потребление основных продуктов питания. Происходило масштабное освоение земель Сибири и Дальнего Востока. В течение пяти лет за Урал переехали три с половиной миллиона человек».

Население Сибири благодаря этому увеличилось в полтора раза. Алтайский край фактически является продуктом столыпинских реформ: 2000 населенных пунктов возникло в течение двух лет после начала переселения. Реформы сопровождались бурным ростом численности населения. За 12 лет население страны выросло на 31,7 миллиона человек, ежегодный прирост составлял до 3 миллионов человек. Тери писал, что если в течение 36 последующих лет в России все будет идти так же, как

шло между 1900 и 1913 годом, численность населения к 1948 году превысит совокупную численность населения ведущих европейских стран, приблизившись к 430 миллионам человек: население Европы на этот момент он оценивал в 425 миллионов. Он считал, что к середине XX столетия Россия будет доминировать в Европе в политическом, экономическом и финансовом отношении.

За семь лет страна, фактически стоявшая на пороге краха, пришла к устойчивому процветанию, — и это во времена, когда не было самолетов, Интернета, мобильной связи. Когда мы читаем про поездку Столыпина в Сибирь вместе с Кривошеиным, то понимаем, что передвигались они на поезде, то есть достаточно медленно. Тем не менее, был достигнут такой эффект.

На наших конференциях рассматривались не только экономические реформы Столыпина, но и преобразования в местном самоуправлении, судебной системе и других областях. Подходы, предлагавшиеся в то время, как нам кажется, могли бы быть интересны сегодня.

В чем заключалась причина успеха Столыпина? Для себя мы сделали такой вывод: Столыпин, может быть, впервые в истории России обратился к человеку, к личности. Для Столыпина человек был главной движущей силой реформ. Он намеревался с помощью этих реформ раскрыть творческий потенциал каждого человека и народа в целом. Столыпин — чистый, честный, жертвенный — фактически принес себя в жертву для того, чтобы сильные, пассионарные люди в нашей стране получили возможность самореализоваться. В первый период реформ их было около 15 миллионов человек, и, собственно, они и вывели страну из страшного состояния.

Я буду представлять участников по ходу дискуссии. Хотел бы отдельно поблагодарить госпожу Конрой из Денверского университета. В 60-х годах она первой в мире защитила диссертацию по Столыпину.

Передаю слово Владимиру Александровичу Мау, ректору Российской академии народного хозяйства, — недавно мы проводили конференцию в его академии. Было бы интересно послушать его сообщение о реформах в России в целом, об их причинах, методах и результатах.

**В. Мау:**

Большое спасибо. У меня вопрос о регламенте.

**П. Пожигайло:**

Я попросил бы в первом выступлении ограничиться пятью минутами: оно задаст тон дискуссии.

**В. Мау:**

Вчера говорили о пятнадцати.

**П. Пожигайло:**

Пятнадцать?

**В. Мау:**

Ладно, сколько скажете.

**Из зала:**

Реформа — она неумолима.

**П. Пожигайло:**

Владимир Александрович, мы Вас останавливать не будем, потому что все это действительно очень интересно. Дальше — короткие выступления. Для нас очень важны параллели с современностью, потому что все присутствующие знакомы с сутью столыпинских реформ, особенно реформ, связанных с местным самоуправлением и перераспределением полномочий. Поэтому хотелось бы, чтобы в ходе дискуссии проводились сравнения.

Пожалуйста, Владимир Александрович.

**В. Мау:**

Большое спасибо.

Действительно, тема очень интересная. Реформы Столыпина интересно обсуждать в контексте современных экономических реформ, поскольку они имеют непреходящее значение. Приведу яркий пример, гораздо более близкий к нам по времени. Если бы не кризис, Гайдар никогда не стал бы не только премьером, но и вице-премьером. Позже его спрашивали: «Когда вы вернетесь в правительство?» Он всегда отвечал:

«Надеюсь, ситуация никогда не будет такой, чтобы меня опять позвали в правительство».

Действительно, в исключительно напряженных ситуациях власть ищет — и часто находит — тех, кто может сделать очевидные шаги, на которые, однако, почти никто не решается. Ситуация, в которой проводилась политика Столыпина, схожа с ситуацией в России в начале 90-х годов и в сегодняшней Греции, причем в Греции решения не принимаются. Она была достаточно понятной, но исключительно тяжелой в социальном и политическом отношении. Было очень трудно взять на себя ответственность за необходимые меры.

В этом смысле очень интересна характеристика, данная Столыпину Петром Бернгардовичем Струве, его политическим противником: Струве был членом кадетской партии. Он говорил, что Столыпин — консерватор по мироощущению, либерал по политической программе и революционер по методу действия. Характеристика парадоксальная, но совершенно справедливая.

Несмотря на то, что назначение Столыпина было связано с тогдашней напряженной ситуацией, его деятельность надо рассматривать в контексте всех усилий по модернизации, предпринимавшихся в России, а точнее — по «догоняющей» модернизации в гершенкромовском смысле. Тогда ряд реформаторов выстраивается так: Сперанский как отдаленный предшественник, затем Александр II, Лорис-Меликов, Бунге, Витте и Столыпин. Последовательные реформы от Александра II до Столыпина заставляют задуматься над очень интересной проблемой логики реформ, которая много обсуждалась в 90-е годы применительно к России и Китаю: какие реформы нужны, политические или экономические, и в какой последовательности?

В России второй половины XIX века — это не теория, а практика, теоретически можно действовать и по-другому, — политические реформы предшествовали экономическим. Александр II пытался осуществлять и политические, и экономические реформы. Напомню, это освобождение крестьян, военная, судебная, университетская, денежная и бюджетная реформы. Денежная и бюджетная реформы провалились, крестьянская заложила основу для движения вперед, но одновременно и для будущих противоречий в обществе; судебная, земская и университетская реформы позволили очень существенно продвинуться вперед. Что бы ни говорили о контрреформах Александра III, это были минимальные, я бы сказал, косметические

контрреформы, по сравнению с прорывом, который совершил Александр II. Экономические реформы в России оказались возможны благодаря этим политическим реформам: бюджетная и особенно денежная реформы, которые проводил Витте, а далее — крестьянская, которую в значительной мере осуществил Столыпин.

Я хотел бы обратить внимание на несколько очень важных вещей. Во-первых, эти реформы подразумевали определенную промышленную политику в условиях созданного индустриального общества. Ведущим элементом промышленной политики — а ведущий элемент важен при всякой ускоренной модернизации — стало железнодорожное строительство. Отдельная, очень интересная тема, даже с сегодняшней точки зрения, — это финансовая история железных дорог, история коррупции, история национализации и приватизации. Власть сперва думала, что частные дороги лучше государственных, потом, когда там много украли, — что государственные лучше частных. Протекционизм, который начал активно практиковаться еще при Вышнеградском и Витте, в целом сохранился и при Столыпине.

Во-вторых, Столыпину было необходимо обеспечить политическую консолидацию и стабилизацию, прежде чем проводить экономические реформы. Я очень люблю одну цитату из 1921 года и сейчас ее приведу, но Столыпин говорил то же самое. Так вот, когда советская власть в конце 1921 года гарантировала нэпманам безопасность вкладов в банках, один известный — на тот момент советский — юрист спросил у знакомого предпринимателя: «Ну что, теперь вы понесете деньги в банки?» Тот ответил: «Нет, вы же гарантируете сохранность вклада, а не сохранность жизни вкладчика». Это ключевая проблема при проведении любой экономической реформы. Мы можем сколько угодно защищать собственность, но это бессмысленно, если мы не защищаем жизнь. Столыпин в этой связи говорил в Думе: обязанность правительства, святая обязанность — ограждать спокойствие, законность и свободу, свободу не только труда, но и жизни. И все меры, принимаемые в этом направлении, означают не реакцию, а порядок, необходимый для проведения самых широких реформ.

Переходим к аграрной реформе. Это одно из основных направлений в деятельности Столыпина. Традиционное представление заключается в том, что Столыпин пытался обеспечить крестьян землей: отсюда политика по их переселению. На самом же деле

в конце XIX — начале XX века шла очень важная дискуссия на тему: что является причиной аграрного кризиса, малоземелье или отсутствие частной собственности? Ответ Столыпина был таков: дело не в малоземелье, а в отсутствии собственности. Решив проблему собственности, осуществив переход от общинного владения к частному, можно решить проблему малоземелья и достичь политической стабилизации. В какой-то мере это аналог реформ Тэтчер начала 80-х годов. Основной их смысл заключался не в приватизации крупной собственности, оказавшейся не очень удачной, а в том, чтобы английский средний и нижний средний класс получил собственность в виде домов, небольших долей акций и так далее. В этом смысле аграрная реформа Столыпина — это, прежде всего решение проблемы собственности и как следствие, проблемы малоземелья, хотя как раз проблему малоземелья Столыпин решить не успел.

Еще одна важная полемика, которая шла тогда, касалась преимуществ частной и государственной собственности. В начале XX века значительной части интеллектуальной элиты казалось, что частная собственность отжила свое. Перефразируя русскую поговорку «не Бог цену устанавливает», известный экономист того времени Мигулин писал: «В XIX веке ненадолго установился слаболиберальный рынок, но на смену ему приходили монополии». Вопрос стоял так: государство или объединения частных монополий? Отсюда дискуссии о «Продамете», о тресте южнорусских заводов, который не возник, о государственном установлении цен на продукцию нефтяной и угольной промышленности и о создании государственных монополий, вплоть до зерновой. Столыпин был достаточно последовательным сторонником рыночных принципов, исповедуя немного старомодные либеральные идеи.

Позволю себе еще одну цитату, но уже не из Столыпина, а из Бунге. Бунге, министр финансов при Александре III, характеризовал тогдашнюю ситуацию очень своеобразно и немного насмешливо: смысл его слов стал понятен только лет через сорок после смерти Бунге. Он писал, что после либеральных реформ середины XIX века «люди благомыслящие начали снова вопить о надзоре и контроле со стороны государства и даже о замене государственною деятельностью частной. В этом направлении мы продолжаем преуспевать и теперь, когда хотят, чтобы государство занялось в обширных размерах торговлей хлебом и снабжением им многомиллионного населения... Кажется, невозможно идти далее, если не допустить,

что государству следует пахать, сеять и жать, а затем издавать все газеты и журналы, писать повести и романы и подвизаться на поприще искусств и науки».

Бунге шутил. Эти слова он произнес в конце 1880-х годов. Но через сорок лет это на несколько десятилетий стало реальностью, и можно только удивиться предсказательским способностям министра финансов. Деятельность Столыпина во многом была попыткой избежать этого, не допустить монополизации экономики — неважно, частными или государственными компаниями

Затем — отношения с Думой. Из учебников по истории КПСС мы знаем, что Столыпин боролся с Думой. На самом деле Столыпин был единственным премьером, который сотрудничал с Думой, за что его, кстати, сильно не любило окружение императора. Коковцов, став премьер-министром, объяснял императору, почему ему будет трудно: у него нет поддержки в Думе, он не умеет работать с Думой так, как Столыпин.

Этот опыт говорит о том, что политический лидер должен стоять выше текущих интересов толпы и даже парламента. Широко известна полемика Столыпина с кадетом Родичевым, когда последний сказал о «столыпинских галстуках». Столыпин вызвал его на дуэль. Родичев извинился.

**Из зала:**

Стрелял плохо.

**В. Мау:**

По-моему, Родичев сам не понимал, что говорит.

**Из зала:**

Нет, он извинился абсолютно искренне.

**В. Мау:**

При Александре II был министр внутренних дел Муравьев, который шутил сам про себя, про те же виселицы: у него был термин «муравьевские воротнички». И Родичев в полемике, по аналогии, произнес слова «столыпинский галстук». Все восприняли это именно как продолжение давней полемики 1860-х годов.

И последний вывод, который я хочу сделать: хорошему премьеру нужен хороший министр финансов. При Столыпине министр финансов впервые стал вице-премьером. Это положило начало Совету министров в современном смысле этого слова. Владимир Николаевич Коковцов, совмещавший эти должности, сделал очень много для стабилизации экономики. У Кривошеина, министра сельского хозяйства, были экзотические представления о том, что необходимо напечатать побольше денег для стимуляции экономического роста: казалось, шесть процентов — это слишком мало, лучше восемь, а еще лучше — десять. Речь идет о росте промышленности, такого показателя, как рост ВВП, в тот момент не было. Министра финансов Коковцова все ругали, все говорили, что он копит деньги — на тот момент золото — непонятно зачем, когда надо все это инвестировать, инвестировать и инвестировать. В общем, его деятельность тоже сыграла важную роль в обеспечении макроэкономических предпосылок роста.

Я не буду касаться вопроса о том, была ли успешной деятельность Столыпина. С ним дело обстоит так же, как со всеми реформаторами: зависит от точки зрения. На вопрос, была ли успешной Великая французская революция, Чжоу Эньлай ответил так: «Прошло слишком мало времени, чтобы делать окончательные выводы».

Не могу не поделиться одной анекдотической историей. Лет десять назад я выступал в одном из российских регионов. Губернатор сказал мне, рассчитывая польстить: желаю Вам, Владимир Александрович, следовать примеру великих российских реформаторов — Сперанского, Витте и Столыпина. Я сказал: «Спасибо большое. Первого обвинили в государственной измене и сослали в Сибирь, второго отстранили через пять месяцев после назначения премьером, а третьего просто убили». Вот история российских реформаторов.

**П. Пожигайло:**

Спасибо.

Я хотел бы дать слово моему другу и постоянному участнику всех наших дискуссий Михаилу Леонтьеву. Представлять Михаила не буду, все его знают. Рад видеть тебя здесь.

**М. Леонтьев:**

Спасибо огромное.

Постараюсь говорить строго по теме — об актуальности столыпинских реформ, об использовании этого опыта в настоящее время. У этих реформ есть совершенно конкретный результат: 1917 год. Я бы отталкивался именно от этого — при всем моем уважении к Петру Аркадьевичу Столыпину и восхищении им.

Начнем с того, что тезис — может быть, известный многим по советским исследованиям и школьным учебникам, — о том, что Столыпину не дали провести реформы, и они закончились безрезультатно, просто неверен. Столыпинские реформы продолжались даже после его смерти, в первую очередь аграрная, осуществились практически полностью и дали блестящий результат. Лучший знаток российского крестьянского хозяйства Александр Васильевич Чаянов писал в 1917 году, что раздел помещичьих земель никакого экономического значения не имеет, но имеет значение социально-психологическое, потому что более 90% товарного производства зерна в России дают крестьянские хозяйства. Помещичьи хозяйства не имели экономического значения. Процесс, задуманный Столыпиным, пошел. Но не разрешился вопрос, который Ленин называл главным вопросом русской революции. Он считал главным аграрный вопрос и был прав, потому что проблема заключалась в относительном аграрном перенаселении.

Мы все знаем — хотя бы по литературе — что происходило в Европе, когда люди из деревень хлынули в города, образуя там огромную массу безработных. Есть в великой русской литературе XIX века образ городского безработного, выходца из села? Нет. Все эти люди торчали в деревне и давили со страшной силой на деревню. В экономическом плане все было сделано. В политическом — нет. Тот же Чаянов очень точно заметил, что никакое развитие промышленности не способно решить вопрос относительного аграрного перенаселения. Рост российской промышленности достиг предела при тогдашнем экономическом укладе. Решение вопроса находилось за пределами этого уклада.

В чем состояла проблема Столыпина, в чем актуален опыт столыпинских реформ? В том, что политические проблемы в принципе не решаются в рамках действующей экономической модели. Сам Петр Аркадьевич был полностью привержен этой модели, этой формации, он не мог решить проблемы. Проблему решил Сталин — самым что ни на есть зверским путем. Не существует более радикального решения вопроса относительного аграрного перенаселения — главного вопроса русской революции — чем то, которое предложил Сталин.

Чаянов, например, был сторонником крестьянской кооперации по одной простой причине. Он считал, что кооперация — гораздо более трудопоглощающая модель, чем всякая остальная. Частновладельческое хозяйство не обеспечивает нужного трудопоглощения. А более трудопоглощающей модели, чем колхоз, особенно если уничтожить наиболее эффективных производителей, придумать невозможно.

Когда мы говорим об экономике, мы не имеем права оставаться в ее рамках. Экономисты все время жалуются, что экономические решения невозможно обосновать. Почему? Нет чистоты эксперимента. Экономические проблемы имеют странное свойство переходить в проблемы социальные, социально-политические и военно-политические. «Все шло нормально, и кто бы мог подумать?» Это и есть главный урок 1917 года. Это главный урок, который можно извлечь из деятельности Столыпина. «Дайте нам двадцать лет, и мы вам дадим великую Россию». А кто тебе даст двадцать лет? Любой дурак за двадцать лет из той России сделал бы великую державу. Двадцати лет не было, вот в чем дело.

Столыпин — крайне актуальный сегодня политик. Это человек, который довел практически до совершенства политику реформ, лояльность собственной стране и собственному народу — в рамках модели. Модель не обеспечивала возможности выхода из кризиса. Значит, надо мыслить и думать за рамками модели. Это самое главное, о чем нужно помнить, говоря о Столыпине.

Закончу так: по-моему, Столыпин сказал, что правительство, лишенное государственных задач и государственной воли, недостойно существования. Не буду ни на кого показывать пальцем.

**П. Пожигайло:**

Спасибо, Миша.

Действительно, тогда всерьез стоял вопрос о том, чтобы отойти от царя. Октябристы предлагали Столыпину опереться на свою фракцию.

**М. Леонтьев:**

Да не от царя.

**П. Пожигайло:**

Нет, ему предложили. Но Столыпин не пошел на это. В письме к жене он писал о своих сомнениях, но когда в него выстрелили, он перекрестил государя.

**М. Леонтьев:**

Наша страна является наследницей страны, которой управлял Столыпин как премьер-министр.

**П. Пожигайло:**

И у нас есть двадцать лет покоя.

**М. Леонтьев:**

Да хоть сто лет покоя. Здесь другая история. Есть ли у нашей страны возможности физического выживания в рамках действующей экономической модели? Мое глубокое убеждение состоит в том, что таких возможностей нет. Продолжение развития при любом реформаторе, приверженном данной модели, не обеспечит стране физического выживания. Это вопрос максимум трех-четырёх лет, потому что внешняя конъюнктура жестко ограничивает шансы страны на выживание, на сохранение в ней подобия социальной стабильности.

Что троекратное падение цен на нефть сделает с нашей страной? Вы наблюдали за нашим замечательным рублем несколько недель назад. Он вел себя как тургеневская барышня: ничего не произошло, но она вдруг бледнеет и ни с того ни с сего падает в обморок. А если будет и то, и се? Мы же прекрасно понимаем, что будет.

**П. Пожигайло:**

Валюты всех сырьевых стран упали, причем многие — сильнее нашей.

**М. Леонтьев:**

Они упали, но с ними ничего не случилось. Ты же понимаешь, о чем я говорю.

**П. Пожигайло:**

Мы к этому вернемся.

**М. Леонтьев:**

Нет, это индикатор.

**Из зала:**

Но в Австралии падение больше.

**М. Леонтьев:**

Валюта Австралии не может упасть, потому что нет такой страны.

**П. Пожигайло:**

Мы вернемся к этому вопросу. Я хотел бы передать слово другу Фонда и моему товарищу Сергею Александровичу Караганову, декану факультета мировой экономики и мировой политики Высшей школы экономики.

**С. Караганов:**

Во-первых, приведу аргумент в защиту тезиса Павла Пожигайло. Никогда у России не было столь благоприятного внешнего окружения, как сейчас. Десять лет тому назад мы говорили, что все вокруг ужасно, и тридцать лет тому назад тоже. Но в действительности у нас очень мягкое окружение. Если нефть не упадет, мы будем жить в абсолютно идеальных условиях. Такого в России не было никогда, поэтому наши возможности для маневра огромны.

Мы должны сейчас поблагодарить от имени всех русских Павла Пожигайло. Он вернул нам Столыпина. Я помню начало этого пути — лет 12–14 тому назад — когда он бился лбом об стену. За это время появились десятки книг, были созданы фонды, прошли встречи. Он поставил Столыпина, одного из величайших русских людей, в центр нашего самосознания, возвращая нам правильное самосознание. Павел, конечно, потерял деньги, но все мы приобрели многое; кроме того, он приобрел друзей и уважение, развился сам и обогатил страну.

Второе: Владимир Мау говорил приблизительно то же самое, я сформулирую очень кратко. Столыпин проводил не экономические реформы, а комплексные политико-экономические, менявшие все, и главное, менявшие человека, о чем говорил Пожигайло. Вот в чем была цель этого комплексного переустройства. Это переустройство включало в себя муниципальную реформу, судебную реформу и

жесткое подавление инакомыслия, принимавшего форму бунта. Это была удивительная реформа: полное переустройство страны. За несколько лет он успел сделать очень многое, а значит, именно такой путь является успешным. Ну, а 1917 год все-таки последовал после второй отечественной войны.

Третье, о чем я люблю говорить в последние годы. Столыпин столкнулся с проблемой перенаселения и одновременно с угрозой потери Россией восточных провинций. Он запустил программу переселения туда крестьян и создал — или воссоздал, или усилил, — мощную ветвь российской цивилизации, к которой относятся люди сильные, свободные, полагающиеся на свои силы. Это так называемая сибирская цивилизация.

Сейчас у нас очень похожая ситуация. У нас нет аграрного перенаселения, но есть переизбыток образованных молодых людей, которые не могут в рамках существующей модели, — к сожалению, как мы видим здесь, на Форуме, пока она меняться не собирается, — найти творческое применение своим силам. И они либо уезжают, либо начинают бунтовать. В этой ситуации, конечно, новая программа развития Сибири и Дальнего Востока, вплоть до переноса туда части столичных функций, является гораздо более насущной, чем при Столыпине, и принесет гораздо более заметные результаты. Напомню, что тогда рынок был один, и алтайское масло шло в Европу. Теперь сибирские товары могут поступать на бездонные азиатские рынки с огромной выгодой для России. Этот аспект политико-экономических реформ Столыпина, мне кажется, сейчас наиболее актуален.

И самое последнее. Мы сидим в Петербурге, в России, а между тем, если бы не Столыпин, мы не сидели бы в русском городе Петербурге. Россия была бы другой, если бы вообще была, потому что именно «столыпинские» дивизии спасли Москву. Помните эту историю про несколько сот тысяч здоровых, молодых, красивых людей, привезенных из Сибири, которые отстояли Москву? А если бы не отстояли, России в нынешнем виде могло бы и не быть. И Питер, конечно, пал бы и был уничтожен.

Поэтому давайте двигаться в Сибирь и на Дальний Восток: пускай там вырастет новое поколение, которое потом, как Хлопонин и Прохоров, вернется в Москву и снова ее спасет. И Петербург тоже.

**П. Пожигайло:**

Действительно, на 90% те, кто в 1941 году отбросил немцев от Москвы, были детьми столыпинских переселенцев. Но не дай Бог нам когда-либо решать такую же задачу.

### **С. Караганов:**

Я говорю о спасении в социальном смысле.

### **П. Пожигайло:**

Кстати, и промышленность на Урале во многом закладывалась во времена Столыпина. Возможно, Сталин не успел бы к 1941 году построить многие заводы — например, в Сибири, — если бы эти проекты не появились еще при Столыпине.

Передаю слово Ярославу Кузьминову, ректору Высшей школы экономики. Он продолжит тему, которой Сергей Александрович коснулся в конце своего выступления.

### **Я. Кузьминов:**

Мы вспоминаем о том или ином историческом деятеле ровно настолько, насколько можем провести параллели прошлого с настоящим. В этом отношении Петр Столыпин, наверное, самая яркая фигура, символизирующая судьбу реформатора в России — более яркая, чем Сперанский, и в большей мере связанная с крупными социальными сдвигами, чем Витте.

Деятельность Столыпина и его правительства — пример традиционного для России разрыва реформаторов с основной социальной группой, которая желает перемен и во имя которой ведут перемены. Это пример фатальной невозможности установить взаимное доверие, наладить диалог и, в конечном счете, создать общественное движение в поддержку реформ.

Причины этому разные, и они тоже напоминают нам о современности: это лояльность к власти и стремление сохранить стабильность, что ведет к выталкиванию реформаторов из дискуссии о судьбах общества, которая в России традиционно ведется «ниспровергателями». В итоге практически любой реформатор делает выбор в пользу стабильности, сохранения политической системы, консервации существующих элементов государства, потому что без государства невозможно провести реформу. Усугубляется их разрыв с группой, пользующейся

доверием думающей верхушки того класса, в интересах которой реформы проводятся.

Сегодняшняя ситуация схожа с той, что сложилась во времена Столыпина. Снова перед нами стоят две проблемы: обеспечение свободы и достижение экономической устойчивости совершенно определенной группой. С этой группой связана наша надежда на экономический рост: в ближайшем или в отдаленном будущем она должна вносить основной вклад в прирост ВВП. Тогда это были крестьяне — основные производители, мелкие собственники, в основном земельные. Сейчас это креативный класс и предпринимательский класс, это группы, члены которых психологически готовы стать предпринимателями. Сейчас, как и тогда, политические представители этих групп не имеют контакта с реформаторами и чаще всего не ищут такого контакта. Их деятельность направлена на то, что я назвал бы мобилизацией общественного отрицания. Политический исход, к которому они объективно подталкивают страну, хотя бы и заявляя многократно, что это не так, — это революция, распад общества и экономики.

Радикальное разрешение политических конфликтов исторически бесперспективно и не отвечает интересам заинтересованного класса. Кто больше всего пострадал от революции в России? Либеральная интеллигенция и крестьянство. Из первой группы уничтожили половину, из второй, по разным оценкам, — до одной трети.

Мы можем, конечно, сказать, что сегодня у нас другая информационная и культурная ситуация. Но вот этот дуализм — он сохраняется, он нарастает. Пока что действия реформаторского крыла власти выглядят даже более слабыми, чем политические реформы 1905—1907 годов. Они носят имитационный характер и не вызывают доверия у оппонентов власти. Оппоненты же не выдвигают из своей среды ни одного лидера с конструктивной программой: речь идет даже не о переговорах с властью, а о выработке содержательной повестки дня. Путин написал в своей первой статье: я плохой, и власть плохая, а делать что? Давайте обсудим, что делать. А людей не интересует, что нужно делать. Им важен факт политической констатации отрицания. Сейчас сложилась ситуация, когда диалог о судьбах общества идет в двух не сообщающихся между собой средах. В одной среде обсуждают экономические реформы, назревшие и абсолютно необходимые. В другой — политические реформы. Одна сторона избегает политических реформ, другая — экономических. Это разные слои атмосферы.

Можно провести еще ряд параллелей. Для стабильного развития государства Столыпин пытался обеспечить ему поддержку за счет создания класса независимых частных собственников. Сейчас делаются попытки создать новый класс — носитель креативности, инновационного подхода, чьи интересы не отклонялись бы от магистральной линии развития общества, как ее представляет себе власть. Попытки различного рода: от медведевской попытки предпринять экономическую модернизацию «сверху», начиная с корпораций, до путинской попытки пополнить к 2010 году средний класс за счет офицеров, врачей, учителей, более консервативных, чем городская интеллигенция. Попытки реформ в области местного самоуправления очень похожи на столыпинские и так же безрезультатны в наших условиях, даже не по политическим, а по экономическим причинам: у нас нечего перераспределять в пользу муниципалитетов. А пока мы не дадим им мощного фискального ресурса, людям не будет интересно голосовать на выборах мэра. Вы видите, что они голосуют точно так же, как раньше.

Я хотел бы вернуться к тому, что говорил Леонтьев: блестящее выступление, мне очень понравилось. Но есть одно «но». Да, Сталин решил проблему индустриализации, предопределив позитивное экономическое и политическое развитие общества. Люди стали скапливаться в городе, тогда как раньше застревали в деревне. В деревне все стояло, накапливалась масса людей, не умеющих делать ничего в области промышленности и предпринимательства. Они умели только делить.

Но как Сталин решил проблему индустриализации и почему ее не мог решить Столыпин? Иосиф Виссарионович Сталин решил ее не потому, что был боевиком и грабил банки. Если бы Сталин был на месте Столыпина, если бы коммунисты каким-то чудом оказались на месте Столыпина до Первой мировой войны, до революции, до Гражданской войны, никогда бы они не сделали того, что сделали. Ни один человек до Первой мировой войны не мог бы пойти на такие радикальные меры — в первую очередь, по отношению к крестьянству, — как позднее Сталин. Даже десятая часть таких мер в представлении правящего класса означала немедленную революцию. Только после чудовищного кровопускания, когда погибло 20 миллионов человек, когда Россия потеряла каждого второго образованного человека, способного встать во главе протеста, — только после такого кровопускания это стало возможно.

Посмотрим на Францию, на Англию: как это было сделано там? Помните про огораживания, про огромные кровопускания? Ниспровержение сложившегося социально-политического равновесия было бы невозможно без горы трупов. Без этого не бывает.

Поэтому, мне кажется, товарищ Сталин здесь ни при чем. Петр Аркадьевич Столыпин, выживи он и окажись он во главе России, наверняка сделал бы то же самое, потому что других вариантов создания нормальной экономической базы в стране не было. Наверное, он действовал бы не такими методами, но по существу было бы то же самое. Повторю: коммунистическая модернизация стала возможной исключительно в результате того, что сил сопротивляться ни у кого уже не было.

**М. Леонтьев:**

Можно короткую реплику?

**П. Пожигайло:**

Спасибо.

Миша, извини, пожалуйста, у нас осталось буквально 15–20 минут, и я бы хотел, чтобы все высказались. Хочу предоставить слово Максиму Шевченко. Представлять не буду, все друг друга знают.

**М. Шевченко:**

Тема очень интересная. Судьба реформ в России и трагическая судьба Петра Аркадьевича Столыпина являются показательными. Мы ничего не поймем в реформах Столыпина, если кратко не рассмотрим природу власти в России и главный конфликт, который постоянно существует в нашей стране, какой бы ни была политическая система и фразеология, используемая этой системой для оправдания своего существования.

Власть в России — это всегда контроль над ресурсами: природными, финансовыми, политическими, человеческими. Иных форм власти Россия просто не знает. Любые политические силы — коммунисты, либералы, монархисты, — приходя к власти, вынуждены воспроизводить одну и ту же модель управления, поскольку власть в России есть, прежде всего, контроль над ресурсами. Это обусловлено

инфраструктурными проблемами, историей развития земельных отношений в стране и так далее.

Поэтому для власти любые реформы — это, в первую очередь, модернизация способов контроля и эксплуатации ресурсов. Иного понимания реформ для власти в России не существует: таков мой тезис. И не важно, жесткая это власть или либеральная. Самые отморозенные рыночники, придя к власти, все равно будут действовать по той же самой схеме и ничего нового сделать не смогут: иначе они станут разрушителями системы, которая называется «Россия».

Свободный капитал в России всегда был оппозиционен власти, с того момента, как он возник в середине XIX века. И неважно, какая это власть — аристократическая, бюрократическая или меритократическая: свободный капитал всегда враждебен управленческой системе. Но парадокс в том, что инвестировать в Россию можно только при гарантиях стабильности. Стабильность же в России пока обеспечивается только при помощи управленческих моделей. Кризис управления в России перманентен, поскольку в силу масштабов чиновничьего аппарата последний всегда испытывает влияние человеческого фактора и инфраструктурных проблем.

Таким образом, свободный капитал в России всегда находится на своего рода развилке: сюда или отсюда? Россия — инвестор или место, куда вкладывают инвестиции? Буржуазия — которая в России всегда транснациональна, потому что зависит от внешних партнеров, от внешних рынков, — неизменно приходит к одной и той же схеме. В XIX веке, в начале XX-го, в советское время схема эта не менялась: вывоз из России ресурсов. Никакие иные виды инвестиций в России не дают быстрого и фиксированного дохода, не являются путем к власти.

Столыпинская реформа привела к появлению на рынке огромной массы совершенно новых игроков. Хлеб, зерно, земля в начале XX века играли ту же роль, что сегодня нефть и газ. Но Столыпин выступил против двух основных конкурирующих сил в России. Он делал ставку на народ, на массу свободных акционеров, которые контролировали бы производство национального капитала. Но кто был крупнейшим землевладельцем в России и крупнейшим производителем зерна? Царская семья. Кто был экспортером зерна и продуктов производства? Капитал, связанный, прежде всего с мировым рынком. Между ними уже возникала конкуренция, которая выливалась в борьбу между, условно говоря, двором и партиями — трудовиков,

кадетов, октябристов и другими. Столыпин ввел в игру третью силу, поэтому смерть Петра Аркадьевича Столыпина, политическая или физическая, была неизбежна.

Физическая смерть Столыпина стала героическим завершением его великой попытки, которую оценил, между прочим, и Ленин. Ленин был прямым политическим антагонистом Столыпина, но одновременно и крупнейшим в России исследователем способов производства капитала — отсылаю к одной из первых работ Ленина: «О зерне». Я считаю, что понимание Столыпина без обращения к Ленину невозможно, потому что Ленин, я уверен, делал тот же анализ, что и Столыпин. Он полагал, что вывод на рынок новых производителей стоимости, капитала угрожают традиционным методам существования России как государства, традиционным методам управления. Это было революционным поступком. Революция была неизбежна, в этом я согласен с Михаилом, но она могла и не принять такую острую форму, если бы правительство тупо и бездарно не ввязалось в преступную Первую мировую войну.

Тут ее почему-то называли «второй отечественной», хотя непонятно, какое отношение к отечеству имела смерть эрцгерцога Франца Фердинанда в Сараево и почему русские мужики должны были умирать за какие-то там проливы, убивая австрийских или прусских крестьян в Карпатах или в Западной Польше. Это мне совершенно непонятно, и никто никогда мне не докажет, что это было правильно. Большевики дали разумный, четкий и ясный ответ: война преступна.

Я хотел бы сказать и о так называемом креативном классе, который сегодня преподносится чуть ли не в качестве новой силы. Креативный класс в России всегда являлся производной от управленческого аппарата или от транснационального капитала, которые постоянно борются за рычаги управления в России. Революция уничтожила образованный класс, но она же и вновь его создала, потому что креативный класс вновь создается на каждом новом этапе стабилизации, когда начинаются инвестиции в механизмы социальной модернизации.

Два моих деда родились в крестьянских семьях, а закончили жизнь профессорами, причем занимались не историей партии: один был специалистом по методике преподавания физики, другой — по новым методам геофизики. Они не были дворянами, не имели никакого отношения к дореволюционной интеллигенции. Поэтому я не согласен с инвективами Солженицына о том, что, мол, дореволюционные инженеры были более образованы, чем советские инженеры

сороковых-пятидесятих годов. Да, конечно, качество образования было выше. Но качество достигается за счет модернизации системы образования и инвестиций в нее.

Поэтому когда вы говорите, что власть, мол, не вступает в отношения с креативным классом, у меня возникает вопрос: может ли алхимик вступать с големом в равные отношения, если он считает голема производной от своей деятельности? Креативный класс в России создан руками Кремля и сил, оппозиционных Кремлю. Он не возник сам по себе, и если он утратит актуальность, можно создать новый креативный класс. Ничего исторически необратимого в креативном классе нет. Это просто те, кого в XIX веке называли «новыми людьми»: представители свободных профессий: журналисты, адвокаты, менеджеры. Из этой среды выходят революционеры — не либералы, а революционеры-радикалы, которые лишаются прямых инвестиций.

В этом, мне кажется, заключается главная проблема России и реформ в России, которая не может быть решена ни на каком этапе. Она останется. Останутся инфраструктурные проблемы, проблемы контроля формирования капитала и то обстоятельство, что власть в России всегда есть контроль.

#### **П. Пожигайло:**

Действительно, мы говорим о революции 1917 года, не упоминая период с 1914 по 1917 годы. 1909 год, Боснийский кризис: Извольский, министр иностранных дел, докладывает царю, что у России нет шанса избежать войны с Австро-Венгрией. Австро-Венгрия аннексировала Боснию и Герцеговину, Столыпин тогда смог договориться с немцами, немцы признали болгарского царя, и войны не случилось. И Вильгельм II в 1937 году, уже в эмиграции, вспоминал, что в 1909 году русские имели больше оснований вступить в войну, чем в 1914-м. В 1909 году, писал Вильгельм, война не началась именно благодаря Столыпину. И если бы в 1914 году был Столыпин, я уверен, что мы бы нашли компромисс, и война бы не началась.

#### **Из зала:**

Это легко объяснить. Просто к 1914 году Россия стала крупнейшим должником Антанты. А когда ты взял столько денег в долг, естественно, ты начинаешь расплачиваться кровью и мясом русских людей.

**Из зала:**

Здесь не было сказано об одной общей важной вещи — о займах. Очень правильная реплика. Огромная часть русской политической элиты была раздражена успешностью столыпинских реформ: ей было нужно, чтобы любые действия правительства закончились неудачей. Давайте вспомним две фамилии. Это адмирал Рождественский, который сознательно вел русский флот к потоплению при Цусиме — сознательно, потому что был предателем. И Гучков, который сознательно вел Россию к войне и военному перевороту, собирая вокруг себя почти всю военную элиту России.

Как можно проводить реформы, если политическая элита стремится — может быть, не специально, а может быть, и специально, — утопить собственную страну ради своих амбиций? Что такое февраль 1917 года? Это же заговор. Просто заговор, переворот. Они думали, что у них все получится. Они контролировали все, кроме населения страны.

Предателей надо истреблять. И тогда вы имеете право и возможность проводить в стране реформы. Если вы не хотите проводить реформы, вам незачем истреблять предателей. Если вы хотите проводить реформы, вы обязаны их истреблять.

**П. Пожигайло:**

У нас осталось пятнадцать минут. Дискуссия действительно очень интересная.

Господа, чувствую, что я — один из тех, кто убережет всех от взаимного истребления. Из уважения ко мне прошу не начинать взаимного истребления — по крайней мере, в этом зале.

Я хотел бы сейчас выразить величайшую благодарность научному руководителю фонда — доктору исторических наук, профессору Валентину Валентиновичу Шелохаеву. Под его руководством написаны все эти книги. Все эти двенадцать лет он руководил нашей научной деятельностью.

Валентин Валентинович, у Вас есть буквально две минуты: мне хотелось бы, чтобы Мэри тоже высказалась. Можно с места.

**В. Шелохаев:**

Извините, я как преподаватель не привык говорить спиной к аудитории.

Так как времени у нас предельно мало, скажу тезисно. В свое время мы с Павлом Анатольевичем написали книгу, которую не случайно назвали «Петр Аркадьевич Столыпин. Интеллект и воля». Это два ключевых слова. Столыпин обладал интеллектом, который позволял ему определять точку бифуркации, в которой находится Россия, и путь, по которому нужно следовать. Программа реформ, о которой здесь много говорили, по сути, была «дорожной картой», программой движения к цели. Это очень важно для современности.

Столыпин сделал, на мой взгляд, две важнейшие вещи. О первой здесь много говорили: это внимание к человеку, к личности. Речь идет, прежде всего, не об аграрной реформе — это все же технический процесс — а об указе от 5 октября 1906 года, который уравнивал крестьянство в правах со всеми остальными группами населения. Крестьянам — а это свыше 80% населения страны — предоставили возможность сделать сознательный выбор. Вторая составляющая — это соединение возможностей личности и возможностей государства. Программа Столыпина предусматривала движение к правовому государству и гражданскому обществу. Ячейкой гражданского общества должен был стать свободный человек, а основным фактором создания правового государства — эффективное государственное управление. Столыпин большое внимание уделял именно проблемам управления, созданию, как сейчас говорят, вертикали власти, которая позволила бы придать динамизм реформам.

Здесь говорили о том, что тип развития страны не поменялся. Я думаю, что Столыпин и заложил и теоретические, и методологические основания для смены типа развития страны: от преодоления отсталости — к постоянному динамичному развитию. Как мне кажется, в этом заключается актуальность столыпинских преобразований.

#### **П. Пожигайло:**

Предполагая, что среди мужчин возникнет острый спор, я отложил предоставление слова Мэри. Сейчас она попытается примирить нас, русских.

#### **М. Конрой:**

Хочу поблагодарить Павла Пожигайло за то, что он пригласил меня сюда. Как единственный представитель США и автор книги о Столыпине, написанной еще в 1976 году, я подготовила длинную речь. Но я коснусь лишь некоторых вопросов — с точки зрения того, как они видятся нам в Америке. Поощрение крестьянской частной собственности было крайне важным элементом реформ. Об этом уже говорил Владимир Мау: превращение крестьянина в собственника и ликвидация общинного землевладения имели ключевое значение. Переселение в Сибирь началось еще до реформ Столыпина. Американец Джон Букволтер в своих очерках 1899 года описывал мешки пшеницы на железнодорожных станциях, жилые дома и скотоводческие хозяйства, которые были в Сибири уже в то время.

Столыпину удалось ускорить этот процесс. Отчасти это стало ответом на утверждения либералов о том, что у крестьян недостаточно земли и, следовательно, ее надо им дать. К примеру, в 1906 году кадеты предлагали передать крестьянам земли помещиков. Чтобы предотвратить захват частной собственности, Столыпин предложил переселять крестьян вглубь страны— в Сибирь. На его реформы значительное воздействие оказала американская система распределения земель, начавшая складываться после Гражданской войны в США. В 1862, 1900 и 1916 годах правительство Соединенных Штатов осуществляло наделение земельными наделами тех, кто их обрабатывал. Открывались сельскохозяйственные учебные заведения, принимались другие меры для помощи земледельцам. Политика Столыпина, по его собственному признанию, сложилась под влиянием этих мер. Он полагал, что переселение крестьян в Сибирь будет происходить по аналогии переселением фермеров на Средний Запад, откуда я родом. Земли выделялись фермерам на территориях к западу от Миссисипи. Это имело огромное значение.

Что касается необходимости перехода от аграрной к индустриальной экономике, то, вероятно, во всех странах мира экономика оставалась аграрной до 1930-х или 1940-х годов. Соединенные Штаты были преимущественно аграрной страной. Нельзя сказать, что в России не было индустриализации. С

1870-х годов в стране активно развивалась нефтяная промышленность. Еще в XVIII веке Россия была основным поставщиком железа для Англии. Между США и Россией существовали прочные торговые связи. Я вернусь к этому буквально через минуту. В России сложилось динамичное деловое сообщество. Имелось множество предприятий розничной торговли, крупные магазины и так далее. Все это было одним из признаков становления гражданского общества. Это крайне важно.

Сегодня еще не говорилось о том, что Столыпин— по замечанию Шелохаева — желал, чтобы народ проявил заинтересованность в процессе становления гражданского общества и принял в нем участие. Ему удалось сохранить такие институты, как Дума и Государственный совет, что было весьма сложно. В Англии процесс становления Палаты общин занял несколько веков, а в России все хотели сделать за один день. Но в действительности у третьей Думы имелись немалые достижения. Было сделано многое: осуществлена образовательная реформа, введено обязательное страхование для рабочих, прекращены гонения на старообрядцев. Итак, значительные улучшения были налицо. Революцию 1917 года спровоцировали либералы из числа депутатов Думы. Назову таких, как Гучков, Милюков, князь Львов, руководивший во время войны Всероссийским земским союзом. Хотя в России существовала еще более левая оппозиция, революция февраля-марта 1917 года была спровоцирована думскими либералами, которые очень хотели управлять страной и были уверены в своей способности справиться с управлением во время войны. Они считали, что способны к этому больше, чем правительство. Вот те мысли, которые я хотела до вас донести. У меня была подготовлена речь, где сравнивалась ситуация в США и России во время преобразований Столыпина. Выяснилось, что между двумя странами было много общего. Торговля между ними активно развивалась, и на действия Столыпина оказывало влияние то, что происходило в Соединенных Штатах. Он изучал ситуацию в США и пытался применять те же меры, что и американское правительство, при проведении своих реформ. Спасибо.

**П. Пожигайло:**

Спасибо, Мэри. Благодарю за Ваше исследование деятельности Столыпина. Ваше выступление было очень информативным и крайне полезным.

Осталось, к сожалению, три минуты. Очень жаль, потому что интересных сообщений очень много. Я хочу попросить высказаться, в течение буквально одной минуты, Валерия Ивановича Мунтияна, уполномоченного правительства Украины по развитию сотрудничества с Россией и другими странами СНГ. Это один из ведущих экономистов Украины. И, конечно же, хотелось бы, чтобы выступил Александр Рар. Если можно, коротко.

**Из зала:**

Я думаю, еще минут десять поговорим, ничего страшного.

**В. Мунтиян:**

Спасибо вам за одну минуту.

Я считаю, что приход Столыпина к власти — это не случайность, а закономерность. При оценке деятельности Столыпина надо учитывать цикличность развития общественных процессов, в России очень характерные циклы — 12 лет.

Что ценного сделал Столыпин? Во-первых, он предложил новое мировоззрение — а политика начинается именно с мировоззрения. Во-вторых, он дал России, российскому обществу, структурированную идеологию, основанную на новых принципах. После него никто такого не делал. В-третьих, он предложил концепцию преодоления системного кризиса.

Приемлема ли экономическая политика Столыпина для России сегодня, через 100 лет? Приемлема, и не только для России, но и для каждой страны, в том числе для Соединенных Штатов Америки. Сегодня мы боимся кризиса, лукавим, начинаем давать ему определения: сначала он финансовый, потом еще и экономический, и социальный. А Столыпин честно и правдиво сказал, что кризис системный. Сегодня, через 100 лет, цикл повторяется, мы переживаем тот же самый системный кризис и наступаем на те же самые грабли. Чем кризис может закончиться? Войной. Поэтому наши правители должны быть дальновидными, чтобы эти угрозы не осуществились.

Сделаю выводы. Результаты у Столыпина были. Первое: он дал стране 12-летнюю передышку — от революции 1905 года до революции 1917 года. Как воспользовались этим руководство, народ и армия? Один из выступающих сказал честно: предали. Что требовалось? Консолидация общества. И для этого Столыпин, прежде чем начинать экономические реформы, стал закладывать основы гражданского общества. Цель была в том, чтобы ликвидировать в человеке раба и создать гражданина, личность. Второе: это преобразование институтов власти для вывода системы управления страной из кризиса. Третье: модернизация экономики, причем приоритет отдавался агропромышленному комплексу. Почему? Из-за мультипликативного эффекта: один процент вложенного капитала дает два процента роста дохода. Все страны мира начинали с сельского хозяйства: Рузвельт в Америке, Маршалл в Европе, Япония, Китай. А для России — это основа основ, особенно сегодня, когда, только по данным ООН, 1 миллиард 200 миллионов человек голодают. В случае климатических изменений роль России в мире возрастет так, что даже трудно себе представить.

Далее: повышение производительности труда, про которую мы почему-то забываем. Была также проведена модернизация банковской и финансовой системы. Так, было решено, что 15% прибыли банков должно идти на резервные капиталы и 15% — на развитие основных фондов. Что касается бюджетной политики, она тоже была успешной. Столыпин понял, что надо делать запасы не только золота, но и платины. Это обеспечило макроэкономическую стабилизацию, и как результат, с 1910 года Россия уже имела профицитный бюджет.

Теперь главное. У Столыпина было то, чего сегодня нет у россиян: он верил в Россию. Вера — это большая сила. При тех вызовах, которые сегодня стоят перед страной, только вера может спасти и обеспечить движение вперед. Затем, Столыпин предупреждал, что не надо слепо копировать западноевропейский опыт. Сегодня в России все есть, надо только защитить ресурсы и эффективно их использовать.

Кроме того, надо предложить новую экономическую модель. Сегодня ни G20, ни G8, ни какая-либо из стран мира не могут предложить новую систему, а старой при этом уже нет. Новая модель, во-первых, должна быть ноосферной, основанной на принципах, выдвинутых Владимиром Ивановичем Вернадским. Во-вторых, она должна быть инновационной, потому что только инновации могут обеспечить прирост дохода в 88%: есть даже количественные расчеты. И, в-третьих, она должна быть

нравственной, направленной на человека, потому что сегодняшний кризис — прежде всего не экономический, а духовный: это кризис знания, кризис мировоззрения, кризис мышления. Эта новая модель обеспечит гармонию между душой человека и циклами развития экономики. Благодарю за внимание.

### **П. Пожигайло:**

Спасибо большое. Мы спешим.

Александр Рар. Представлять тоже не буду, все его прекрасно знают. Александр, буквально одна минута.

### **А. Рар:**

Спасибо большое, что пригласили меня.

Мне радостно, что имя Столыпина вернулось в российскую политику. Я сам — представитель российской эмиграции и могу сказать, что сын Столыпина, Аркадий Петрович, был одним из лидеров белой иммиграции на протяжении многих лет. Он умер в 1990 году. Мы пытались взять у него для «Литературной газеты» последнее большое интервью о его отце. Он очень хорошо поставил изучение наследия своего отца на Западе, и мы все знали труды Столыпина. К сожалению, последнего интервью не получилось, поэтому спасибо вам за то, что вы продолжаете это дело.

В Германии сейчас проводится цикл конференций на тему «Бисмарк и Столыпин». Мы сравниваем две личности, которые очень похожи друг на друга. Бисмарк тоже проводил социальные реформы, способствуя сближению верхов и низов в Германии. Думаю, что его социально-экономическая политика отодвинула революцию для Германии. И революция, которая произошла в Германии после Первой мировой войны, была менее значительной по последствиям, чем Октябрьская революция для России. Если бы Столыпину было отпущено еще несколько лет, думаю, он все-таки завершил бы свои реформы.

И последняя мысль: что было бы, если бы мы научились — наверное, мы научимся этому лет через сто, — клонировать политических лидеров? Если бы мы клонировали сейчас Столыпина и Бисмарка и вернули бы их в политику, мог бы клонированный Бисмарк стать канцлером в Германии? Думаю, нет. Он должен был бы работать с парламентом, общаться в «Твиттере» и «Фейсбуке», взаимодействовать с международным сообществом и гражданским обществом.

Такую сильную личность просто не пропустили бы наверх. В России Владимир Путин не назначил бы такого человека на государственную должность.

Сегодня всем обществам нужен консенсус. Напомню, что в Германии сейчас идет голосование в парламенте относительно спасения Европы. И оппозиция, выступая политическим оппонентом правительства, по всем главным вопросам голосует вместе с парламентским большинством, потому что сегодняшняя задача — спасти Европу от тяжелейшего кризиса. Я думаю, это тоже хороший урок на будущее.

**П. Пожигайло:**

Согласен. Как раз перед конференцией мы с Сергеем Юрьевичем и с Максимом говорили об этом. Столыпин был назначен в 1905 году, когда 84 губернии пылали; иначе бы никто этого неудобного, достаточно упрямого человека в Петербург из Саратова не взял. К сожалению, в России это стало традицией. Рокоссовского не было бы, если бы не было немцев в 1941 году. В 1937 году такие люди не были нужны. В России нужно, чтобы немцы дошли до Москвы, и тогда появятся Рокоссовский, Черняховский.

Что произошло со Столыпиным в 1911 году, когда все успокоилось? Стали говорить: он надоел, он опять недоволен, чего он хочет? Уже все хорошо, терроризма нет. И Столыпина убрали. Что произошло с генералами после Великой Отечественной войны? То же самое.

Я согласен с Вами, сегодня в России есть Столыпины. В случае возникновения проблем такие, как Столыпин могли бы защитить страну, предотвратить ее сползание в очередной кризис. Но необходимой политической мудрости сегодня не имеется.

Я хотел бы предоставить слово Игорю Юрьевичу Юргенсу. Он в 2002 году участвовал в праздновании 140-летия со дня рождения Петра Аркадьевича Столыпина. Мы тогда собрались в храме Христа Спасителя, нас было еще не очень много.

**Из зала:**

Символические перемены.

**П. Пожигайло:**

Видите, после доклада Мэри атмосфера у нас действительно изменилась.

### **И. Юргенс:**

Повторю то, что говорил в год 140-летия. Почему политика Столыпина не могла быть успешной до конца и почему произошла такая трагедия? Приведу две цитаты из него самого.

Первая: «Самодержавная власть и свободная воля монарха являются драгоценнейшим достоянием русской государственности, так как единственно эта власть и эта воля, создав существующие установления и охраняя их, призвана, в минуты потрясений и опасности для Государства, к спасению России и обращению ее на путь порядка и исторической правды». Он не мог предать своего монарха, он был верен самодержцу до конца. Каким был самодержец, мы знаем, и произошло то, что произошло. Это то же самое, что происходит сейчас: мы не верим в институты и не можем сменить некие личности из соображений предательского лоялизма.

И вторая цитата — от него нельзя было ждать другого, иначе это был бы не Столыпин: «Нельзя к нашим русским корням, к нашему русскому стволу прикреплять какой-то чужой, чужестранный цветок». Он неизменно верил в русское национальное государство. Но в России его не может быть. И сейчас мы повторяем ту же ошибку, несмотря на создание Национального совета.

Сперанский начал борьбу за создание государственных институтов. Он написал письмо Александру I о том, что после революции во Франции надо хотя бы взглянуть пристальнее на западноевропейские институты. Карамзин после этого также направил императору письмо, говоря, что институты — это глупость, западная дрянь, нужно 50 честных губернаторов, сильных мужиков. И эта борьба закончилась аракчеевскими военными поселениями. Не надо нам, понимаете ли, чужеродных институтов.

То же самое произошло со Столыпиным. Душой он был за либерализм и правильные реформы, но он не мог преодолеть приверженности к самодержавию, преодолеть того, чего мы и сейчас не можем преодолеть. Боюсь, что авторитаризм, практикуемый в эпоху постиндустриальной информационной революции, разорвет и нашу страну.

### **П. Пожигайло:**

Мы, как в передаче «Что? Где? Когда?», ответили на все вопросы, и нам дали еще несколько призовых минут. Поэтому мы можем пообщаться с залом, если у кого-то есть вопросы или желание высказаться. Пожалуйста.

**М. Шевченко:**

У меня есть только одно замечание.

**П. Пожигайло:**

Да, Максим.

**М. Шевченко:**

Напомню, что максимальное сближение России с США приходится на период сталинского периода правления, на 30-е годы. Индустриализация Советского Союза была бы невозможна без масштабной технологической и финансовой помощи со стороны американского капитализма. В том, что проливалась кровь русских крестьян, виновны и американцы, которые поддерживали нашу индустриализацию.

**П. Пожигайло:**

Смею напомнить вот о чем: Столыпин в одной из своих бесед с царем сказал, что нужно делать ставку на Америку, поскольку у нас с ней нет геополитических конфликтов. Он планировал предоставить концессию на разработку недр Восточной Сибири американским банкам.

Американцы задавали вопросы: о правах человека, о свободах для евреев, о свободе вероисповедания. Был принят закон о переходе в другое вероисповедание. Кроме того, Столыпин стал первым в истории России государственным деятелем, который разработал законопроект об отмене всех ограничений для еврейского населения. Это было сделано не только ради отношений с американцами, и Столыпин был абсолютно прав.

Я просто хочу восстановить историческую справедливость: именно при Столыпине проводился курс на сближение с Америкой. Кто хочет еще высказаться? Пожалуйста, Борис.

**Б. Титов:**

Мы предприниматели и занимаемся своим делом, но нас интересует очень многое, в том числе исторические корни предпринимательства в России. Сегодня было высказано много умных теорий и предположений, было много анализа. Некоторые теории было даже сложно осознать.

Вот мой главный вывод из сегодняшней беседы: основным инструментом, который использовал Столыпин для преодоления кризиса в России, было высвобождение предпринимательской инициативы, энергии масс, которая и спасла Россию. Только что мы с Алексеем Леонидовичем Кудриным спорили о том, надо ли сегодня заниматься бюджетной и макроэкономической политикой или все-таки высвободить предпринимательскую инициативу.

Кстати, это у нас произошло в 1991 году, когда экономика просто рухнула. Тогда инициатива людей, которые поехали по всему миру как «челноки», привозя дешевые продукты и товары, спасла Россию и постепенно обеспечила экономический рост. То же самое было и в 1998 году, когда экономическая политика государства привела к жесточайшему финансовому кризису: сокращение издержек опять высвободило предпринимательскую инициативу, и опять страну спас именно частный сектор.

Столыпин освобождал бизнес для борьбы с кризисом, а не ужесточал бюджетную политику и не пытался экономить, чтобы потом использовать резерв. Это уже ближе к нашей действительности. Естественно, нужна правильная финансовая политика, нельзя разбазаривать ресурсы. Но надо и высвободить инициативу снизу: тогда экономика начинает расти.

Еще один вывод: предпринимательская инициатива и рынок, которые с нуля создают новую стоимость, должны в первоначальный период стимулироваться, регулироваться и направляться. Очень приятно слышать от Владимира Мау слова «промышленная политика», потому что одно время они были очень непопулярны в России. Столыпин был великим политиком-экономистом, который осуществлял промышленную политику, и эта политика дала свои результаты.

#### **П. Пожигайло:**

Спасибо. Я хотел бы поддержать Ваши тезисы. В своей кандидатской диссертации я делаю именно такой вывод.

Столыпин делал ставку на творческий потенциал человека. Реализовать творческие возможности человека с помощью реформ — в этом и есть смысл модернизации. Так

действовал Столыпин, и это дало кумулятивный эффект. Революционная пассионарность перешла в созидательную не из-за того, что тысячи человек были повешены, а потому, что энергия людей нашла наконец выход.

Мне кажется, сегодня у нас есть эта недореализованность. Помните, как Новосельцев, нобелевский лауреат, полтора года назад в Бирмингеме объяснял, почему он уехал из страны? Он сказал: «В России нет творческой атмосферы». Создание в России творческой атмосферы на основе обеспечения объективных условий развития человека, раскрытия его творческого потенциала — и не только в бизнесе, — позволит сделать такой же рывок, какой был сделан 100 лет назад.

**М. Шевченко:**

Это противоречит интересам двух главных конкурирующих сил в России, потому что ведет к утрате контроля. В этом главная проблема России.

**П. Пожигайло:**

Три минуты осталось.

**В. Мингалев:**

Вадим Мингалев, генеральный директор Евразийского союза промышленников и предпринимателей.

Сегодня были правильно обозначены проблемы, особенно Валерием Ивановичем Мунтияном: он предложил комплексное решение.

Но главное: наши враги, к сожалению, поняли, что Столыпин во всех областях делает ставку на творческую личность. И гибель Петра Аркадьевича Столыпина в определенной степени стала делом рук этих самых аналитиков, понимавших, что реформы Столыпина сделают Россию сильнейшим государством Европы. Об этом говорили и Вы, Павел. Высвобождение творческой энергии людей, в первую очередь, в области предпринимательства, создание среднего класса, — все это планировалось уже тогда. Россия была на пороге крупных экономических преобразований, и кому-то это мешало.

**П. Пожигайло:**

Спасибо. Поскольку время у нас заканчивается, обойдемся без подведения итогов.

Вот символический результат нашей деятельности: за три года мы добились решения об установке памятника Столыпину. Он будет установлен у Белого дома, около проходной премьера, или на площади Свободной России, у мэрии. Мы провели конкурс, я был председателем жюри: конкурс выиграли молодые скульпторы. Впервые за 20 лет существования современной России никто из мастодонтов не выиграл конкурс. Этот проект действительно был лучшим. Это человек, который дрался на дуэли, вызывал Родичева, это человек-Россия. Нам кажется, что памятник удался.

Когда мы с Владимиром Владимировичем обсуждали финансирование, он предложил взять средства из резервного фонда. Я сказал: «Можно, мы попробуем собрать деньги с народа?» Такая у меня была идея: если не соберем, то, может, и ставить не надо. И мы стали ненавязчиво распространять информацию по «сарафанному радио». На сегодня переведено 1500 платежей, средняя сумма — от 50 до 200 рублей. Деньги посылают со всего бывшего СССР, от Чукотки до Западной Украины. Из этих полутора тысяч человек сто — чиновники. «Деловая Россия» перечислила миллион. Сейчас собрано 15 миллионов рублей, на памятник нужно около 25 миллионов. Мы в три раза сократили первоначальную смету и, естественно, бьемся за каждый рубль.

Мне очень хочется, чтобы мы ни одного рубля не взяли из казны и возвели памятник Столыпину полностью на народные деньги. Тогда никто и никогда не бросит нам в лицо упрек, что это власть поставила памятник. Я хочу призвать вас перечислить деньги, если есть такая возможность: неважно, сколько именно, нам важно участие.

Номер счета есть на сайте [www.stolypin.ru](http://www.stolypin.ru).

Я лично отвечаю за каждый рубль. Никогда в жизни, занимаясь бизнесом, я так строго не спрашивал с тех, кто расходует деньги. Памятник будет установлен в ноябре и мы, естественно, всех пригласим. Мы рассчитываем, что там будет сквер Столыпина вместо стоянки.

На этом я хотел бы закончить и поблагодарить всех за участие в дискуссии. Спасибо.